

Маша и Алексей Москалевы на следующий день после освобождения Алексея из колонии, 16 октября 2024 года / Фото: ОВД-Инфо

Тифлокомментарий: Горизонтальная вытянутая цветная фотография. В центре — Алексей Москалев, ему 56 лет, и его семнадцатилетняя дочь Маша. Они сняты по грудь и стоят на фоне забора из темно-коричневого сайдинга. У Алексея светлая кожа, легкая щетина, и зачесанные назад седые волосы. Он сдержанно и очень по-доброму улыбается, его взгляд устремлен вдаль и немного вверх. На Алексее куртка цвета хаки и белая футболка, одна его рука расслабленно лежит на плече дочери. У Маши длинные и прямые русые волосы с пробором и светлая кожа, она смотрит прямо в камеру и немного улыбается. На Маше песочный свитер с небольшим горлом, ее руки перекрещены на груди. Она выглядит радостно и уверенно. Свет дневной, приглушенный. Конец тифлокомментария.

06.08.2025, 15:48

ИНТЕРВЬЮ

«Не думай, что по окончании срока мы от тебя отстанем». Алексей Москалев уехал из России и увез дочь. Мы поговорили с ним

Алексей Москалев **провел год и десять месяцев в заключении из-за постов в соцсетях. Его история **стала известна** по всему миру, когда после антивоенного рисунка дочери Маши на семью обратили внимание силовики. Москалев **вышел** на свободу 15 октября. Спустя пять дней они с Машей уехали из страны. 31 июля портал «Эхо» сообщил, что Германия**

так и не выдала семье гуманитарные визы.
Мы поговорили с Алексеем о том, как сейчас устроена их с дочерью жизнь.

«ВЫРВАТЬ ЛЮБЫМ ПУТЕМ»

— Алексей, когда мы с вами виделись в последний раз, вы только вышли из колонии и приехали в Ефремов. Как прошли первые дни в родном городе?

— Мы приехали с Машей домой, переночевали, а на второй день пошли по магазинам — нужно было купить продукты. Когда пришли, встретили соседку, она сказала: «Алексей, опять приезжали сотрудники полиции, ломались к вам в дверь, потом спустились на улицу, ходили вокруг дома, долго заглядывали к вам на балкон, но в конце концов уехали».

То есть сразу же, на второй день они уже начали нас неизвестно для чего дергать.

Я поговорил с волонтерами. Они сказали: «Вам лучше покинуть страну хотя бы временно». Мы решили с Машей так и сделать. В Ефремове мы пробыли всего-навсего дней пять. Волонтеры предоставили нам временное убежище. Мы с Машей до сих пор находимся там. Спустя несколько дней после отъезда я связался со знакомым из Ефремова, и он сказал, что к нему приходил участковый и какие-то люди в камуфляжной форме — разыскивали меня. Зачем, не сказали. Не дают ни минуты покоя.

— Вы успели встать на учет, когда вышли?

— Я буквально на второй день пошел туда. Мне сказали: «Ваши документы пока не пришли. Как придут, мы вам сообщим». После этого мы уехали.

— Как в те несколько дней, что вы провели в Ефремове, на вас реагировали люди?

— Если честно, мы старались очень редко выходить из дома. Но в те моменты, когда Маша выгуливала свою собачку или я ходил за продуктами, соседи, проходя мимо, как-то косо и даже презрительно смотрели на нас.

Алексей и Маша Москалевы в Ефремове, на следующий день после освобождения Алексея из колонии, 16 октября 2024 года / Фото: ОВД-Инфо

НАЖМИТЕ, ЧТОБЫ РАЗВЕРНУТЬ ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Пасмурный осенний день. В центре композиции — Алексей и Маша Москалевы в полный рост, они немного повернуты к камере левым боком и не спеша идут по асфальтовой дороге рядом друг с другом. Маша идет чуть ближе к фотографу, у нее ровная осанка. На ней коричневый короткий расстегнутый пуховик, светлые джинсы, небольшая белая сумка и белые кроссовки. Ее взгляд спокойный, направлен вперед, на лице легкая улыбка. Справа от нее идет Алексей.

Он ступает более аккуратно, слегка сутулится и смотрит себе под ноги. Он одет в куртку цвета хаки, серые брюки и темно-зеленые ботинки. На заднем плане — фрагмент улицы, одноэтажные жилые серые и кирпичные постройки, желтеющие кусты и деревья. Конец тифлокомментария.

— Вы думали, что сейчас, уезжая с вами в другую страну, Маша отрывается от уже привычной среды? Насколько это для нее правильно?

— У меня ни на минуту не было желания оставить ее там. Понимаете, ее надо было вырвать из этих лап репрессий любым путем. Никаких сомнений по этому поводу у меня даже не возникало.

— Как вы сказали дочери, что нужно будет уехать?

— Знаете, когда я вышел из колонии, даже не думал об этом. Мы предполагали пожить в Ефремове хотя бы первые полгода-год и посмотреть, какая будет обстановка у нас дома. Ну, какая началась обстановка, я вам говорил: уже на второй день приезжали сотрудники полиции, через некоторое время — участковый и военные. То есть понятно было, что оставаться возможности нет.

Более того, в колонии ко мне дважды приезжали сотрудники ФСБ, которые меня задерживали, и один из них сказал: «Ну, Москалев, не думай, что по окончании срока мы от тебя отстанем, не оставим теперь уже пожизненно». Он меня предупредил сразу.

— Как выглядел ваш отъезд? Я правильно понимаю, что вы сейчас не в России?

— К сожалению, я не могу вам сказать, где мы сейчас находимся. Могу сказать, что мы не в России. Но, к сожалению, не в полной безопасности.

— С каким чувством переходили границу?

— Нас предупредили, что это будет самое страшное. Была большая настороженность, опасение, что на границе нас могут задержать. Как только мы ее перешли, вздохнули уже в полную силу.

— У вас был запасной план на случай, если что-то пойдет не так? Куда бы поехала Маша?

— Некогда было план составлять. Мы же не больше пяти дней пробыли в городе и собирались настолько быстро, что не взяли даже часть нужных вещей. Это было очень, очень быстро. Я еще сказал волонтерам: может, наши вещи стоит как-то упаковать? [Они ответили:] «Бросьте, ничего не берите, вам сейчас нужно срочно покидать страну — это единственное ваше спасение».

«ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ВАС ОБЪЯВИЛИ В РОЗЫСК?»

— Вы рассказывали, что у вас в колонии начались проблемы со здоровьем, испортилось зрение. Удалось заняться здоровьем?

— Я здесь занимаюсь только спортом: зарядки, пробежки. Зрение, к сожалению, продолжает ухудшаться. Обратиться в медицинские органы пока у нас нет возможности, у нас нет страховки. Но спортом занимаюсь. Я и в колонии не упускал возможности это делать и здесь продолжаю.

Алексей Москалев в Ефремове, 16 октября 2024 года / Фото: ОВД-Инфо

НАЖМИТЕ, ЧТОБЫ РАЗВЕРНУТЬ ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография: Это портрет Алексея Москалева, он снят по грудь. Мужчина выглядит спокойно и сосредоточенно, его взгляд направлен вдаль и вправо. На нем слегка расстегнутая легкая куртка, из-под которой виднеется футболка. За его спиной — фрагмент тихой улицы и дороги. Слева виднеется одноэтажная нежилая постройка, за спиной Алексея стоит панелька, а справа от него — зеленые кусты. Конец тифлокомментария.

— Чем еще занимаетесь?

— В основном, хожу по городу, фотографирую достопримечательности, какие-то интересные места.

— Следите сейчас за тем, что происходит в России?

— Обязательно. Маша мне постоянно претензии предъявляет: «Пап, ты как только встаешь утром, сразу бежишь за телефон». К сожалению, так оно и есть. Читаю, кого опять посадили за лайки, репосты, одиночные пикеты. Тщательно просматриваю новые постановления, законы.

— Почему вы продолжаете это читать после отъезда?

— Послушайте, я люблю свою Родину, но ненавижу государство. Надеюсь, что мы вернемся, но не при этом режиме, конечно. Я родился в Ефремове, там же вырос, прожил 57 лет, для меня там все родное. Конечно, столько лет прожить и одномоментно покинуть...

— У вас остались связи с людьми оттуда?

— Мало. Единицы, но есть.

— А с людьми, которые вам писали в колонию, поддерживаете связь?

— Мне очень хотелось! Вы видели, какие у меня были мешки с собой, когда я освободился: большая часть этого были письма, я их сохранял и практически всем отвечал. Писали со всего мира: США, Великобритания, Франция, Германия, Австрия, наши постсоветские республики — Узбекистан, Таджикистан, Грузия. Я эти письма унес, чтобы не потерять с людьми связь, очень хотелось продолжать переписку, вы даже не представляете, насколько. Но когда пришлось собираться, было некогда даже переписать эти адреса, а тем более взять письма с собой, потому что их был целый чемодан. Поэтому, к сожалению, они остались дома, и эти связи утрачены.

— Какие у вас сейчас планы? Есть ли они вообще?

— Сейчас единственный план — безопасность для меня и Маши. Это самое главное.

— Как вы после разлуки налаживали контакт с Машей? Как она изменилась за время, что вы не виделись?

— У нас не было такого, чтобы мы друг от друга отдалились за эти два года. Насколько я понял, для Маши мамина семья — абсолютно чужие люди. Не было особо теплых взаимоотношений, как матери и ребенка. Она была там как во временном приюте. Поэтому все время, пока она находилась там, ждала встречи со мной, чтобы поскорее уехать и быть рядом.

— Когда мы разговаривали с Машей еще до вашего выхода, она говорила, что все-таки у мамы ей неплохо и с сестрой сложились хорошие отношения.

— Конечно, она не говорила, что ее там унижали или оскорбляли. Об этом речи не было. Но родительские отношения должны быть теплые. Я спрашивал Машу, интересовалась ли мама, как мы жили, как она училась. Абсолютно ноль вопросов на эту тему, как будто это ее вообще не интересовало. Просто холодные отношения, как со знакомым человеком.

— Маша сейчас общается с мамой?

— Первое время, когда она приехала, они очень часто созванивались, переписывались с мамой, сестрой. Но прошло какое-то время, мы уже находились здесь, сотрудники полиции объявили нас в розыск. Оказывается, это сделала мама, с которой Маша общается постоянно. Зачем? У меня мысль только одна: сотрудники ФСБ надавили на нее и решили через нее узнать, где мы находимся. Как они могли ее подкупить, запугать или шантажировать — не знаю.

— Как вы узнали, что это именно она?

— Через сотрудников полиции. Когда нас объявили в розыск, Маше на телефон — ее российский мобильный был доступен — прислали смс сотрудники полиции: «Что с вами, где вы находитесь? А вы знаете, что вы в розыске?» А кто подавал? — «Мама».

Маша Москалева с мамой весной 2023 года / Фото из соцсетей Ольги Ситчихиной

НАЖМИТЕ, ЧТОБЫ РАЗВЕРНУТЬ ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Солнечный весенний день. Шестнадцатилетняя Маша Москалева и ее мама Ольга Ситчихина стоят в тени у большой пальмы, в кадре их фигуры обрезаются по поясу. Маша выглядит сосредоточенно и напряженно, она смотрит прямо в камеру и держит сложенные руки перед собой. У нее светлая кожа, бирюзовые и русые мелкие, но длинные косички. На голове у нее коричневый капюшон от толстовки, поверх толстовки голубая куртка. Ольга смотрит прямо в камеру, она выглядит уверенно и слегка улыбается. На ней темный пиджак и небольшая сумка на цепочке. У нее короткие

темные волосы, светлая кожа, легкий макияж и яркий маникюр. Она немного прижимает Машу к себе. Одной рукой она держит плечо дочери, второй — ее руку. На заднем фоне — яркий солнечный свет падает на тротуар, на котором в массивных горшках стоят растения. Конец тифлокомментария.

— Маша спрашивала у мамы, так ли это?

— После всего этого — спросила, они же продолжали общаться. Она сказала: «Ну, я же переживаю за вас. Где вы? Живы ли вы?» Сейчас, в лучшем случае, они общаются раз в месяц. Судьба ребенка ее уже не волнует. Не думаю, что это она сама от себя [подала в розыск], на нее надавили, чтобы узнать наше местоположение.

«НЕ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАСТЕНКАХ»

— Вы пять раз были в ШИЗО за время своего срока. Как вы себя после этого опыта и вообще после заключения чувствуете?

— Когда я еще был [в СИЗО] в Смоленске, а Маша — во временном приюте, и меня могли лишиться родительских прав, а ее — передать в чужую семью, либо отдать в интернат, я был подавлен, жить не хотелось. И каково мне было, когда дошла новость, что Машу передали маме. Наконец-то! Я был на седьмом небе от счастья. Думал: теперь можете со мной делать что угодно — издеваться, убивать, унижать, можете расстрелять. Меня уже мало что волнует. Главное, что Маша теперь не в государственных застенках, а на воле.

А в ШИЗО я был не пять раз, меня оттуда не выпускали два месяца вообще, пять раз был продлен срок автоматически. Это

было очень тяжело. За неделю до того, как меня выпустили из колонии, я думал: если Господь даст и благополучно выпустят меня, еще что-нибудь не придумают, я приду домой и просто выплыву. За год и 10 месяцев я был в таком состоянии напряженном, недосыпал и недоедал. И что, вы думаете, когда приехал, сон меня взял? Да боже упаси! Всю ночь провалился как на иголках. Не мог прийти в себя и представить, что я дома.

А после того как информация дошла, что опять до нас докапываются, приезжают сотрудники, опять начинается все это по-новому, какой тут может быть сон? Маша спала, а я лежал, прислушивался, не раздастся ли стук в дверь, не пришли ли опять ее болгаркой пилить.

— Уже удалось выдохнуть?

— Частично да, а частично нет. Российские власти даже отсюда пытаются вытащить людей, россиян, которые эмигрировали. Поэтому в полной мере отдохнуть и расслабиться даже здесь не удастся.

— Как у Маши дела? Удалось ли ей продолжить учебу?

— Пока мы находились здесь, она обучалась дистанционно. У нее была хорошая московская школа, и она обучалась онлайн. К большому сожалению, не удалось закончить до конца. Больше половины она отучилась, а когда встал вопрос подготовки к экзаменам после девятого класса, мы куратору прислали сообщение, чтобы подробно узнать, как это будет происходить. И она сообщила: чтобы Маша сдала экзамены и получила диплом за девятый класс, ей нужно будет приехать в Москву и сдать экзамены очно. Сами понимаете, это невозможно. Поэтому до конца она не доучилась, ей выдали документ о неполном обучении, справку.

— Какая Маше может грозить опасность, если бы она поехала сама?

— Одну бы ее не выпустили — она несовершеннолетняя. И где гарантия, что ее не оставят там в качестве заложника,

потребовав, чтобы я приехал за ней? От нашей преступной власти сейчас что угодно можно ожидать, какие угодно провокации. Для чего-то же они искали нас, начиная со второго дня. К тому же сотрудники ФСБ сами предупредили, что не оставят нас в покое.

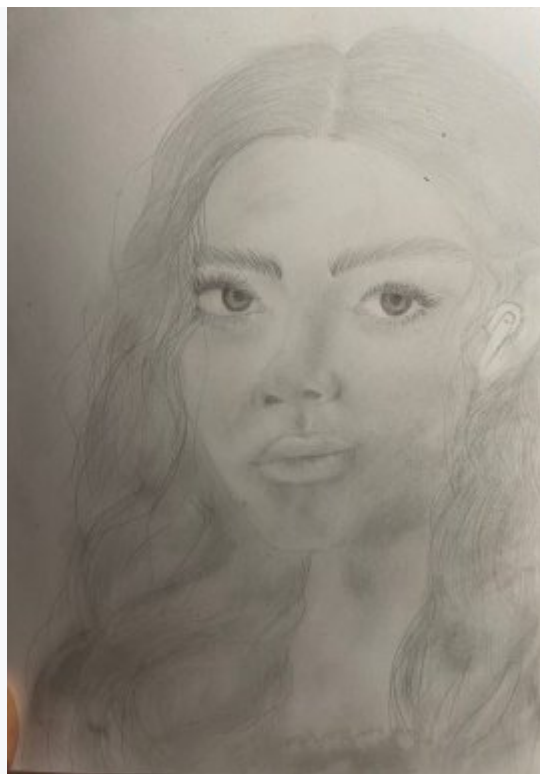
— Когда мы списывались, Маша говорила, что снова начала рисовать и пишет рассказы.

— Да, она сейчас увлекается творчеством. У нее очень хорошо выходят портреты, рисунки. Она пишет рассказы, публикует их в интернете. Я читал. Я не знаю, в кого она такая. Мой талантище. Меня такая гордость берет за ребенка.

Рисунки Маши Москалевой / Фото из личного архива

**НАЖМИТЕ, ЧТОБЫ РАЗВЕРНУТЬ
ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ**

Пять фотографий рисунков простым карандашом на бумаге. Это реалистичные портреты по фотографиям. На рисунках узнаются персонажи

кинематографа и эстрады. На первом рисунке трое мужчин, на втором и четвертом — портреты девушек, на третьем и пятом — портреты мужчин. На третьем рисунке есть авторская подпись Маши Москалевой со знаком пацифика. Конец тифлокомментария.

— Ей удалось тут с кем-то подружиться?

— Нет. Она больше времени проводит в уединении. Вот я часто говорю: Маш, может, выйдешь погулять, познакомишься с кем-то, найдешь подруг?

Отвечает: «Даже если я познакомлюсь с кем-то, мы же здесь временно, нам придется уехать, и этот человек останется здесь, больше мы не увидимся. Для чего это надо?»

Записала Марина-Майя Говзман